

О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической

Написано не столько поучения, сколько увещевания ради.

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/nadejdin.htm>
Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. - М., 1972.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Спор между романтизмом и классицизмом, который в наши чреватые смутами времена волнует весь литературный мир, дошел и до нашей родины и постоянно ожесточает души людей друг против друга. Отечественную нашу почву, которую следовало бы лелеять и обрабатывать объединенными братскими усилиями, попирают возбужденные партии, воспламеняемые безумной ненавистью: посевы, еще нежные, которые заботливые руки доверили ее бороздам, партии эти угрожают вытоптать дерзкими ногами. Кажется, что с отечественным Парнасом будет покончено решительно и бесповоротно, если только пламя этого безумия, жестоко угрожающее благополучию поэзии, не будет укрощено и погашено. Лучше всего, стало быть, было "укротить бушующие волны"!

Мне казалось, что главная причина этой битвы, как и вообще в литературном мире, так, в частности, и на нашей родине, заключается в том, что и та и другая сторона не имеют ясного представления о вещи, из-за которой идет спор. Битва скорее происходит из-за слов, чем из-за существа дела. Каждодневный опыт показывает, что первыми наступают романтики, зачинатели всех бед, которые сами не знают, что они предпринимают, куда стремятся и чего требуют.

Вот почему я считаю, что не жаль труда в тщательном исследовании, "не столько поучения, сколько увещевания ради", разобрать и в полном виде представить первые начала, истинную природу, а также счастливую и вместе с тем несчастную судьбу романтической поэзии, именем которой бунтовщики обыкновенно приукрашивают свой мятеж. К этому труду я приступаю с тем большим усердием и душевным устремлением, что, к моему счастью, меня поддерживает авторитет и верховное руководство величайшего университета, наилучшего попечителя и защитника отечественной словесности. Если мне хоть в какой-либо степени удастся выполнить его возвышенное предписание, целиком наплавленное на благо отечественной поэзии, то я с удовлетворением смогу сказать, что получил за мой труд приятную и обильную награду.

Что касается исторической части моего небольшого произведения, в коей я исследовал происхождение и судьбы романтической поэзии, то признаюсь откровенно, что для своей цели я использовал собрания и примеры выдающихся мужей, которые усердно занимались теми же вопросами. В первую очередь привожу я высказывания Бутервека, Сисмонди и обоих Шлегелей, которым я немало обязан. Вместе с тем не стыжусь заявить, что никогда простодушно не доверялся их свидетельствам, но всегда обращался к подлинным источникам, насколько они были мне доступны.

Что же касается теоретической части, то я хочу сказать, что она построена иначе: ведь я пытался бросить новый свет на романтическую поэзию, возведя ее сущность к первоосновам теории. При построении и развитии моей теории я не пожелал послушно следовать за каким-либо руководителем: со всей необходимой скромностью я все же заявляю, что попытался проложить свой собственный путь. Удалось ли мне преуспеть в этом, покорно предоставляю решать справедливым и сведущим ценителям этих вопросов, свободным от пристрастий к той и другой стороне: для них, конечно, не тайна, со сколькими трудностями была сопряжена моя попытка.

Насколько это было в моей власти, я стремился к чистоте латинского языка. Всякий знаток, однако, понимает, что разнообразные идеи и многочисленные предметы, имеющие отношение к разбираемому мной вопросу, были совершенно неизвестны древнеримскому миру и настолько чужды ему, что в классической латыни очень часто отсутствуют слова и выражения, при помощи которых они могли бы быть выражены. Поэтому я решил, что дозволено будет пользоваться, так сказать, ржавым оружием